

АННА МОИСЕЕВА*

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ВЕРЫ**

DOI: 10.17323/2587-8719-2020-4-225-236.

В статье П. А. Бутакова «Как верить преданно и твердо?» рассматриваются вопросы о сущности веры как пропозициональной установки, о факторах, которые влияют на ее формирование у субъекта, и о том, как сам субъект может поспособствовать формированию ее у себя. В качестве примера рассматривается ситуация некоего Рекса, который по каким-то, по-видимому, не имеющим прямого отношения к религии причинам захотел стать христианином причем искренним, а не тем, кто только выглядит как христианин. В качестве пропозиции, адекватно выражающей христианское учение, берется Афанасьевский символ веры (обозначается Q), который содержит в себе перечень католических догматов и заканчивается указанием: «Это — католическая вера. Кто не будет верить в это преданно и твердо, тот не сможет спастись. Аминь». Задача, решению которой посвящена статья П. А. Бутакова, состоит в том, чтобы объяснить, что нужно делать Рексу, чтобы стать христианином, согласно данному указанию, т. е. чтобы преданно и твердо поверить, что Q .

Стратегия, которую избирает автор статьи для решения поставленной задачи, состоит в том, чтобы заменить разговор об одной пропозициональной установке — вере — разговором о двух пропозициональных установках с одним и тем же содержанием. Одна из этих двух установок называется мнением и определяется как категорическая (т. е. обладающая только двумя значениями «истинно» и «ложно») и формируемая субъектом по его воле. Другая установка называется уверенностью и определяется как количественная (т. е. обладающая степенью) и не зависящая напрямую от воли субъекта. Тезис П. А. Бутакова состоит в том, что преданная и твердая вера, что Q , сводится к конъюнкции

*Моисеева Анна Юрьевна, младший научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН (Новосибирск), ajumo@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-1440-9598.

**© Моисеева, А. Ю. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

мнения, что Q , и уверенности, что Q . Требование конъюнкции обосновывается, насколько можно понять из текста статьи, следующим образом: что бы ни означало определение веры как *преданной и твердой*, это определение явно предполагает некоторую особую силу или качество, поэтому Рексу, «чтобы не прогадать», следует выполнить и условия обладания мнением, и условия обладания уверенностью. Результатом такого анализа является список того, что Рекс должен делать, чтобы удовлетворять (гарантированно) условиям обладания мнением, что Q , и что он может сделать, чтобы удовлетворять (с большой вероятностью) условиям обладания уверенностью, что Q ¹.

Целью настоящей реплики является не столько защита какого-то иного взгляда на природу веры и то, что субъекту следует предпринимать с целью формирования определенной веры у себя, сколько акцентирование некоторых натяжек и уязвимостей, присутствующих в том рассуждении, которое представлено П. А. Бутаковым. При этом я не буду обращать внимания на то, что предметом обсуждения является религиозная вера, поскольку П. А. Бутаков в статье ясно высказывается о той религиозной вере, которая его интересует, как о частном случае пропозициональной веры. Таким образом, предполагается, что рекомендации, которые можно было бы дать Рексу, если ему нужно было бы обрести преданную и твердую веру, что, скажем, к 2030 году Россия станет самой большой экономикой в Европе, аналогичны тем, которые ему даются в случае, когда ему нужно обрести преданную и твердую веру, что Q , во всем, кроме содержания самих пропозиций, о которых идет речь. Статья П. А. Бутакова определенно является статьей по эпистемологии², а не по философии религии, и именно в этом ракурсе я буду ее рассматривать.

Для прояснения некоторых аспектов задачи, решаемой П. А. Бутаковым, я сошлюсь на способ анализа контекстов веры в семантике возможных миров. Как мы помним, в стандартной семантике возможных миров содержание веры (*belief*) некоторого данного агента в пропозицию

¹Поскольку уверенность, по определению П. А. Бутакова, неподконтрольна воле субъекта, Рекс может лишь создать условия, которые, как он знает, обычно способствуют росту уверенности, что Q . В статье П. А. Бутакова перечисляются основные факторы, влияющие, согласно современным эпистемологическим воззрениям, на степень уверенности субъекта в некоторой пропозиции, и рассматриваются возможные способы обеспечения этого влияния для каждого из факторов в случае Рекса.

²Об эпистемологии здесь говорится в расширенном смысле, подразумевающим не только учение о знании, но и учение о «всего лишь» вере.

p формализуется в виде множества возможных миров — для простоты будем называть его B -множеством, — такого, что между миром, где этот агент верит, что p , и каждым членом этого множества имеется специфическое отношение — его я назову B -отношением. B -отношение является разновидностью отношения достижимости, т. е. B -множество представляет собой множество миров, которые являются достижимыми (в определенном, предполагаемом нашей теорией веры смысле) из мира, где агент верит, что p , и это не что иное, как множество миров, где p истинно. Зачастую смысл B -отношения разъясняется посредством понятия поведенческой диспозиции: под B -множеством понимается множество миров, которое агент склонен принимать во внимание при выборе стратегии действия³. В качестве примера можно привести субъекта, вера которого, что сегодня будет дождь, выражается в том, что он, выходя из дома, склонен взять с собой зонт⁴. Однако такой подход уязвим для критики с прагматической точки зрения. Скажем, даже если я на самом деле не верю, что будет дождь, в случае, когда я иду на встречу с важным для меня человеком и хочу выглядеть, что называется, с иголочки, я буду более склонна перестраховываться, чем в случае, когда я иду на прогулку с собакой. Поэтому есть резон рассматривать и другие возможные трактовки B -отношения. От выбора трактовки зависят, очевидно, формальные свойства B -отношения, т. е. те свойства, которые будут приписываться доксистической системе агента при данной формализации.

С другой стороны, между трактовкой и формализацией нет жесткой взаимосвязи, поскольку одну и ту же содержательную концепцию веры можно выразить, используя B -отношения с разными формальными свойствами. Например, перспективный, на мой взгляд, вариант представляет собой адаптация к семантике возможных миров той трактовки понятия веры, в которой диспозиция к действию заменяется на диспозицию к чувству — специфическому «чувству истинности», к которому агент склонен тогда, когда он сталкивается с ситуацией, так или иначе требующей от него ответа на вопрос, истинно ли p (в том

³Здесь в понятие действия включается среди прочего понятие мыслительного действия, т. е. рассуждения. И я даже сомневаюсь в том, что возможно сформулировать какую-то адекватную концепцию действия, не включающую мыслительное действие, поскольку любая сознательная деятельность, на мой взгляд, предполагает размышление о целях и средствах, пусть даже оно не всегда происходит осознанно.

⁴Этот пример с незначительными изменениями взят из книги Я. Хинтикки «Сократическая эпистемология» (Hintikka, 2007: 11–12).

числе и с прямым вопросом об истинности p). В неформальном виде теорию веры как диспозиции к чувству истинности можно найти в работе Дж. Коэна «Эссе о вере и принятии» (Cohen, 1992). Интересно, что определенная вера, согласно Дж. Коэну, обладает степенью (degree). Если не вдаваться в детали, то эта трактовка дает нам такое понятие веры, которое кажется достаточно близким к тому, что П. А. Бутаков называет уверенностью⁵. Чтобы адаптировать это понятие к семантике возможных миров, нам достаточно иметь способ перевода концепций из языка credence-first в язык belief-first⁶, поскольку в стандартной семантике возможных миров отношение достижимости не градуировано. Такой перевод можно осуществить, например, указав для каждого d в определенном диапазоне (разумно положить, что значения d не должны быть меньше 0 и больше 1, а каковы они конкретно, можно решать исходя из целей теории) такое множество миров, которое будет связано B^d -отношением с миром, где агент верит, что p , в степени d . Однако можно пойти другим путем и попытаться построить «с нуля» семантику возможных миров с градуированным отношением достижимости⁷. Или можно вообще отказаться от аппарата семантики возможных миров

⁵Не лишним было бы подумать в этой связи, сопоставляется ли «принятие» (assertance) Дж. Коэна с «мнением» П. А. Бутакова. Кажется, что во многом эти понятия схожи. Так, согласно Дж. Коэну, принятие — в отличие от веры — не обладает степенью, при этом оно подконтрольно воле субъекта (Cohen, 1992: 22–23). Вместе с тем оно зависит от контекста — характеристики, о которой применительно к мнению П. А. Бутаков ничего не говорит. В целом, поскольку П. А. Бутаков вводит понятие мнения в качестве одного из *способов верить*, видимо, у него это понятие не связано напрямую с ролевым поведением, с игрой по правилам и социальностью. Это просто основание для рационального выбора действий. Напротив, понятие принятия у Дж. Коэна постоянно связывается с правилами, которые конституируют те или иные социальные практики (ibid.: 23–25, 58, 65, 79, 104, 123–124). Поэтому возникают специфические логические требования к системе пропозиций, принимаемых рациональным субъектом *в одном и том же контексте* — в игру, правила которой явно противоречат друг другу, невозможно играть. Неясно, признает ли П. А. Бутаков существование аналогичных логических требований к системе мнений субъекта, но даже если признает, то он должен, очевидно, каким-то иным образом обосновывать эти требования.

⁶Термины belief-first и credence-first употребляются здесь так же, как в статье П. А. Бутакова.

⁷В данный момент мне трудно в деталях представить, как это можно сделать. Вероятно, здесь пригодилась бы нечеткая логика или что-то подобное. Тогда степень веры агента, что p , должна была бы соответствовать степени членства миров, где p истинно, в B -множестве. Или, например, можно было бы формализовать степень веры не в виде отношения, а в виде функции достижимости, аргументами которой были бы два мира — мир агента и мир оценки, — а значением этой функции было бы число от 0 до 1.

и использовать вместо этого что-то еще, например, ситуационную семантику. Так или иначе, если какая-то формализация отражает все интуиции, которые мы хотим заложить в основу нашей теории веры, и не позволяет получить (по крайней мере, очевидным способом) никаких контринтуитивных следствий, то эта формализация может быть лучше или хуже любой другой формализации с теми же свойствами лишь с точки зрения удобства ее использования. В этом случае выбор между ними должен осуществляться по критериям простоты, прозрачности, экономности выразительных средств и т. п.

Таким образом, нам нужно отличать теоретический вопрос о том, что есть вера, от технического вопроса о том, какую формализацию использовать для того, чтобы о вере говорить. Анализ веры с помощью именно двух пропозициональных установок (мнения и уверенности) именно с такими свойствами, как предлагает П. А. Бутаков, с технической точки зрения был бы обоснованным, если бы удалось показать, что существует простая формализация этих установок, которая позволяет выражать любые осмысленные высказывания о вере с помощью их комбинации, и при этом сами эти установки несводимы друг к другу. Интуитивно представляется, что так оно и есть, однако в технических вопросах интуиция всегда требует строгой проверки. Что же касается собственно теоретического статуса этого постулата, он, как выражается сам П. А. Бутаков, является гипотезой. Какие основания можно было бы привести в её поддержку? Очевидно, что это должны быть какие-то факты. Например, основанием для нее мог бы послужить факт наличия хорошо детектируемых нейрофизиологических коррелятов мнения и уверенности, обладающих соответствующими функциональными свойствами. Однако столь же очевидно, что поиск таких коррелятов — это дело науки, а не философии. Нельзя с позиции чистой философии оценить, например, насколько произвольны те или иные наши веры. Философ будет говорить о том, какие резоны могут быть у агента для того, чтобы поверить в некоторую пропозицию, но он никогда не будет, оставаясь философом, говорить о том, способен ли агент *фактически* поверить в эту пропозицию. Чтобы говорить о фактических механизмах формирования вер, нужно оперировать причинами, а не резонами, а выявление причинных закономерностей — это наука. С точки зрения философии можно сказать, что это опять-таки вопрос выбора языка. Если мы, например, строим теорию рациональности, в рамках которой предполагаем, что рациональный агент верит только в то, о чем располагает достаточными свидетельствами, то для нашей теории неважно,

говорим ли мы, что агенты сами решают верить таким образом или что они верят таким образом вследствие определенных закономерностей их психики. Мы можем выбрать тот язык, который лучше соответствует нашим — внешним по отношению к данной теории — философским установкам. Внутри же теории важно лишь то, можем ли мы заключить от веры агента в некоторое p к его вере в некоторое q , при условии что этот агент рационален в определенном нами смысле.

Суть изложенных выше соображений состоит в том, что без выхода за рамки эпистемологии проблема природы и свойств веры не может быть, по-видимому, решена удовлетворительным образом. Для эпистемологии вера выступает базовым понятием, и собственно с эпистемологической точки зрения мы можем приписывать ей любые свойства, которые удобны для наших целей. В этом смысле «эпистемология мнения» имеет столько же прав на существование, сколько и «эпистемология уверенности» или же, как у П. А. Бутакова, их комбинация. Но в том-то и дело, что цель, которую ставит перед собой автор статьи, является внешней по отношению к эпистемологии: это цель из области практики. Поэтому и критерии, по которым следует оценивать подход П. А. Бутакова, — это практические критерии. Насколько существенно помогает его анализ веры человеку, желающему обрести веру в некоторую пропозицию? Или даже конкретнее: насколько существенно помогает его анализ «преданной и твердой» веры Рексу? На мой взгляд, не очень-то помогает, в чем и состоит моя основная критика. Недостаток подхода П. А. Бутакова я вижу в том, что, применяя свои философские установки, он чересчур вольно, на мой взгляд, истолковывает условия конкретного практического кейса, которые между тем сам же и сформулировал. В частности, его трактовка «преданной и твердой веры», что Q , как конъюнкции мнения, что Q , и уверенности, что Q , представляется крайне неестественной, если исходить из предположения, что в Афанасьевском символе веры слова означают то же, что они означают в обычном языке. Я сконцентрируюсь здесь на значениях слов «преданный» и «твердый»⁸, поскольку они достаточно прозрачны, а по поводу слова «вера» позволю себе лишь несколько замечаний в конце.

⁸Я использую русскоязычные термины, поскольку П. А. Бутаков использует в своей статье именно их. Это представляется вполне разумным, тем более что вопрос о том, какие именно термины употреблены в Афанасьевском символе веры, не касается сути аргументов, которые я собираюсь представить далее.

Под преданностью, согласно толковым словарям⁹, понимается в общем такое ментальное свойство, что субъект, обладающий этим свойством, сохраняет ярко выражаемое положительное отношение к кому-либо или чему-либо в течение долгого времени вне зависимости от обстоятельств. В переносном значении «преданным» называют чье-то поведение, позволяющее заключить, что он обладает этим свойством. Что же касается твердости, то в словарях¹⁰ она толкуется в первую очередь как некоторая характеристика физических объектов и лишь вторично, метафорически — как характеристика ментальных и абстрактных сущностей. Применительно к ментальным сущностям в его значении можно выделить две смысловые группы, одна из которых вбирает в себя опять-таки характеристики устойчивости и неподверженности изменениям, вторая же — характеристики силы и степени выраженности. Таким образом, если использовать словари для истолкования того, что такое преданная и твердая вера, получим примерно следующее: это вера, во-первых, длительная и устойчивая, не изменяющаяся в результате столкновения с противоречащими свидетельствами, во-вторых, характеризующаяся глубокой эмоциональной вовлеченностью верящего

⁹В словаре Ожегова «преданный» определяется как «исполненный любви и верности к кому- чему-н.» (Ожегов, Шведова, 2006: 579). Словарь Дмитриева дает более развернутое определение: «1. Преданным называют того, кто не меняет своих привязанностей, сохраняет верность кому-либо. 2. Преданным называют очень исполнительного, готового услужить кому-либо человека. 3. Если кто-либо предан кому-либо, то это означает, что этот человек сохраняет интерес к тому, чем он занимается. 4. Искренне Вам преданный — это заключительная формула в письмах, которая выражает чье-либо глубокое уважение к кому-либо. 5. Преданным называют чье-либо чувство, если оно сохраняется длительно, не изменяется вследствие обстоятельств. 6. Преданным называют чей-либо взгляд, если он свидетельствует о чей-либо глубокой привязанности, любви к кому-либо. 7. Преданным называют чью-либо деятельность, если она состоит в высокоправственном профессиональном служении кому-либо, чему-либо. 8. Преданными называют лошадей или собак, которым свойственно проявлять постоянную привязанность к хозяевам» (Толковый словарь, 2003: 981). (Здесь и далее примеры употребления, приведенные в словаре, я опускаю).

¹⁰По Ожегову, твердый — это «1. паян. ф. Сохраняющий свою форму и размер в отличие от жидкого и газообразного. 2. Не поддающийся при надавливании, жёсткий, крепкий. 3. Не подверженный изменениям, непоколебимый, устойчивый, прочный. 4. Сильный и решительный» (Ожегов, Шведова, 2006: 791). По Дмитриеву, «1. Вы называете какой-либо предмет твёрдым, если он может сохранять свою форму и размер, его трудно согнуть или сломать и он жёсткий на ощупь. 2. Цены, зарплату и т. п. называют твёрдыми, если они постоянны и не могут произвольно и быстро меняться. 3. Характер человека, а также самого человека называют твёрдым, если он не меняет своих убеждений и целей в сложных ситуациях. 4. Голос, тон и т. п. человека называют твёрдым, если он решительный и не допускает возражений» и т. д. (Толковый словарь, 2003: 1340).

в процесс, так сказать, исповедания того, во что он верит, в-третьих, вера сильная в смысле степени. При этом преданность имеет как будто отношение скорее к эмоционально-волевым характеристикам веры, чем к ее эпистемическим характеристикам. Говоря, что Рекс должен быть предан в своей вере, что Q , мы имеем в виду, что он должен целенаправленно передать, «вверить» свою душу и тело этой вере. Твердость же, судя по всему, имеет отношение к вере скорее в эпистемическом смысле. Говоря, что Рекс должен быть тверд в своей вере, что Q , мы имеем в виду, что у него должны быть такие основания¹¹ считать Q истинным, что они перевесят не только все основания считать Q ложным, имеющиеся у него на данный момент, но даже все основания для этого, которые он, вероятно, может получить в будущем¹².

Тут можно, казалось бы, обратиться к аналитическому подходу П. А. Бутакова и, лишь слегка модифицировав его, сказать, что «преданная и твердая вера» — это конъюнкция «преданного мнения» и «твердой уверенности» при тех значениях, которые он придает терминам «мнение» и «уверенность». Однако разберемся, что у нас здесь получается. Чтобы преданно верить, что Q , Рексу не только нужно неизменно «говорить, рассуждать и поступать в согласии с Q », но делать это с глубокой эмоциональной вовлеченностью. А раз так, принятие какого-либо мнения как чужого, пусть даже оно принадлежит авторитетному лицу или группе лиц, не годится — иначе Рекс будет, строго говоря, предан не собственно христианской вере, а конкретному священнику, приходу или сообществу христиан в целом. Даже если первоначальный источник мнения внешний, преданность мнению будет иметь место только тогда, когда Рекс интериоризирует его, т. е. начнет считать своим. Думается,

¹¹Об основаниях здесь говорится в расширенном смысле, включая не только свидетельства в пользу Q , но и желания, выполнимость которых зависит от истинности Q , этические соображения, касающиеся Q , а также весь остальной список факторов, приведенный в статье П. А. Бутакова. Для определенности предположим, что этот список действительно полон, тем более что никаких возражений против такого предположения в данный момент сформулировать не могу.

¹²Это не значит, конечно, что Рекс *действительно* ни при каких обстоятельствах не может разувериться в истинности Q . Это означает лишь, что такой исход представляется маловероятным для репортера или репортеров — того или тех, кто приписывает ему твердую веру, что Q . В качестве репортера может выступать, в частности, сам Рекс, что и произойдет, видимо, в тот момент, когда он решит, что реализовал свое желание стать христианином (если задуманное ему удастся). Однако это может быть и любое другое лицо или лица, включая автора всей этой истории П. А. Бутакова, а также нас — его читателей.

для этого нет другого пути, кроме обретения уверенности в том, что принятое им мнение истинно. По крайней мере, это единственный путь, о существовании которого нам точно известно: упоминаемый П. А. Бутаковым «прыжок веры», может быть, и существует как явление, но недостаточно изучен для того, чтобы делать на его основании какие-то далеко идущие выводы¹³.

С другой стороны, чтобы твердо верить, что Q , нужно иметь достаточные основания считать Q истинным, но что это могут быть за основания? Как признает сам П. А. Бутаков, у Рекса, очевидно, нет веских свидетельств в пользу истинности Q , и, хотя он мог бы заняться поиском таких свидетельств, история философии не убеждает в том, что на этом пути можно достичь какой-то окончательности. Нет у Рекса, по-видимому, также ни сильного желания, чтобы Q было истинным, ни однозначного нравственного предпочтения веры, что Q , перед неверием. В статье П. А. Бутакова предполагается, что на желанность Q может благотворно повлиять знакомство с какими-нибудь замечательными людьми, исповедующими Q , однако следует заметить, что даже если Рекс найдет таких людей, с их помощью он сможет увеличить желанность обретения *веры*, что Q , но не желанность самого Q . А желание обрести веру у него по условию и без того есть. Что же касается размышлений над нравственно возвышающим воздействием христианства, с помощью них, вероятно, Рекс мог бы прийти к тому, что следует верить, что Q . Тем не менее переход от признания нравственной предпочтительности веры, что Q , к самой вере, что Q , Рекс гарантированно сможет совершить только в том случае, если верен принцип «*ought*» implies «*can*», а верность этого принципа далеко не очевидна¹⁴.

Остаются два фактора, которые П. А. Бутаков называет центральностью и укорененностью пропозиции в доксистической системе. Он пишет:

Центральность пропозиции проявляется в том, насколько часто она задействуется в повседневной жизни, поведении и мышлении. Чем чаще человек

¹³Тем более если иметь в виду, что в число факторов, влияющих на формирование уверенности, входит желание. Даже «когда весь накопленный жизненный опыт, знания и здравый смысл вступают в конфликт с поступком, основанным на Q », сильное желание чего-то, зависящего от истинности Q (например, посмертного спасения), может быть вполне достаточным основанием поступать в согласии с Q .

¹⁴В литературе по этике и деонтической логике можно найти как сильные возражения против принципа «*ought*» implies «*can*» (см., например, Waller, 2011, Waller, 2004), так и сильные аргументы в его пользу, по крайней мере, в каком-то прочтении этого принципа (см., например, Pereboom, 2014: 140–141).

полагается на истинность пропозиции, тем она центральнее, а чем она центральнее, тем проще человеку быть уверенным в ее истинности.

Отсюда мы можем заключить: чтобы утвердиться в вере, что Q , посредством увеличения ее центральности в своей доксистической системе, Рексу нужно принять решение говорить, рассуждать и поступать в согласии с Q и неуклонно следовать этому решению. Иными словами, Рексу нужно исповедовать Q как *мнение* в том значении этого термина, которое принято П. А. Бутаковым. Если теперь мы рассмотрим возможные меры по укоренению Q в доксистической системе Рекса, то придем к аналогичным выводам. Понятие укорененности П. А. Бутаков поясняет так:

Некоторые пропозиции прочно укоренены внутри доксистической системы. Они тесно связаны с множеством других пропозиций, и отношение к ним не может измениться без того, чтобы не затронуть всю остальную систему.

Таким образом, укорененность пропозиции, как справедливо отмечает и сам автор, увеличивается вместе с увеличением ее центральности. Чем больше Рекс задействует Q в своих рассуждениях, теоретических и практических, тем в большее количество следствий из Q он сможет поверить, а значит, тем труднее ему будет усомниться в истинности Q в дальнейшем. Следовательно, чтобы утвердиться в вере, что Q , посредством укоренения Q в своей доксистической системе, Рексу опять же нужно начать в своей повседневной жизни придерживаться мнения, что Q . Возможно, есть и другие способы увеличить центральность и укорененность пропозиции в доксистической системе, однако об этих способах нам пока ничего не известно.

Итак, мы заключили, что единственным известным нам способом преданно придерживаться мнения, что Q , является обладание уверенностью в истинности Q , а единственным известным нам способом утверждения в такой уверенности является исповедание Q как мнения. Таким образом, вычленение из единого понятия веры обособленных понятий мнения и уверенности представляется бессмысленным шагом в деле обретения преданной и твердой веры, что Q , которая требуется Рексу, поскольку любые действия, способные повлиять на его мнение относительно Q , повлияют также на его уверенность в истинности Q , и наоборот. Правда, есть шанс, что лучшее понимание того, к какому именно состоянию стремится Рекс, само по себе поможет ему скорее достичь этого состояния. Это представляется вполне вероятным, учитывая, что

осознанность и рефлексия в целом помогают нам в очень многих делах. Вместе с тем есть шанс, что все произойдет наоборот. В конце концов, слово «вера», как бы мы его ни анализировали, определенно означает нечто ментальное, а ментальные состояния зачастую противятся тому, чтобы субъект, переживающий их, отдавал себе точный отчет в том, что с ним происходит. Тот, кто попытается, например, будучи вполне счастливым, честно и без обиняков ответить на вопрос, в чем именно заключается его счастье, поймет, о чем здесь идет речь: отвечая, можно растерять изрядную долю своего счастья. Возможно, таким же образом дело обстоит и с верой. Возможно даже, что «вера», «счастье», «любовь» и другие подобные слова вообще не имеют фиксированного значения, функционируя в человеческой культуре не столько как знаки, сколько как поведенческие триггеры, которые для каждого реагирующего на них субъекта в каждый момент времени «означают» что-то свое. Последнюю точку в этом вопросе, по-видимому, может поставить лишь опыт тех, кто уже успешно обрел преданную и твердую веру, что *Q*. Именно они и только они способны сказать, какую практическую ценность имеет анализ, предпринятый П. А. Бутаковым. А поскольку лично я не принадлежу к этим людям, здесь мне следует закончить.

ЛИТЕРАТУРА

- Pereboom D.* Free Will, Agency, and Meaning in Life. — Oxford, New York : Oxford University Press, 2014.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. — М. : А ТЕМП, 2006.
- Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. — М. : Астрель, 2003.
- Cohen L. J.* An Essay on Belief and Acceptance. — Oxford : Clarendon Press, 1992.
- Hintikka J.* Socratic Epistemology : Explorations of Knowledge-Seeking by Questions. — Cambridge : Cambridge University Press, 2007.
- Waller B. N.* Virtue Unrewarded : Morality Without Moral Responsibility // *Philosophia*. — 2004. — Vol. 31, no. 3/4. — P. 427–447.
- Waller B. N.* Against Moral Responsibility. — Cambridge : MIT Press, 2011.

Moiseyeva, A. Yu. 2020. "Epistemologiya i praktika very [Epistemology and Practice of Believing]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 4 (4), 225–236.

ANNA MOISEYEVA

JUNIOR RESEARCH FELLOW

INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW OF THE SB RAS (NOVOSIBIRSK, RUSSIA);

ORCID: 0000-0003-1440-9598

ЕPISTEMOLOGY AND PRACTICE OF BELIEVING

DOI: 10.17323/2587-8719-2020-4-225-236.

REFERENCES

- Cohen, L. J. 1992. *An Essay on Belief and Acceptance*. Oxford: Clarendon Press.
- Dmitriyeva, D. V., ed. 2003. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Astrel'.
- Hintikka, J. 2007. *Socratic Epistemology: Explorations of Knowledge-Seeking by Questions*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ozhegov, S. I., and N. Yu. Shvedova. 2006. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: A TEMP.
- Pereboom, D. 2014. *Free Will, Agency, and Meaning in Life* [in Russian]. Oxford and New York: Oxford University Press.
- Waller, B. N. 2004. "Virtue Unrewarded: Morality Without Moral Responsibility." *Philosophia* 31 (3-4): 427–447.
- . 2011. *Against Moral Responsibility*. Cambridge: MIT Press.